

А.Г. Новиков^{1✉}, М.С. Кишкурно², О.И. Горюнова¹,
А.В. Вебер^{1, 3}

¹Иркутский государственный университет
Иркутск, Россия

²Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия

³Университет Альберта
Эдмонтон, Канада
E-mail: as122@yandex.ru

Погребения позднего неолита могильника Туаханэ IX (озеро Байкал)

Статья посвящена материалам погребений позднего неолита из могильника Туаханэ IX, исследованного Российско-Канадской экспедицией Иркутского государственного университета в 2019–2020 гг. Могильник расположен на одноименном мысе северо-западного побережья Малого моря оз. Байкал. В научный оборот введены результаты комплексных исследований 7 погребений. Выявлены характерные черты погребальной практики: наличие надмогильных и внутримогильных сооружений из камней, помещение покойных – вытянутое на спине, головой на северо-запад, покрытие погребенных берестой и использование огня, разводимого непосредственно в могильной яме. Преобладали индивидуальные погребения, в одном случае (погр. 21) обнаружено двойное (мужчины зрелого возраста). Во всех погребениях зафиксирован сопроводительный инвентарь. Захоронения мужчин содержали более богатый по количеству и номенклатуре состав изделий. В их числе: наконечники стрел, роговые накладки на составные луки, листовидные ножи-бифасы, тесла и орудия рыболовства (гарпун, рыбки-приманки). В женском погр. 6 – изделия бытового назначения. Во всех могилах обнаружены фрагменты от круглодонных сосудов, украшенных пунктирным орнаментом. Плохая сохранность и фрагментарность скелетов затруднили точность антропологических определений; пол и возраст получен для шести погребенных. При изучении состояния здоровья населения, оставившего могильник Туаханэ IX, у женщины из погр. 6 обнаружено патологическое изменение костных структур на верхнечелюстной кости. Анализ погребальной практики и типологии сопроводительного инвентаря показал идентичность этих погребений с ранее исследованными комплексами маломорской группы серовских погребений позднего неолита Приольхонья. Корректированные на пресноводный резервуарный эффект AMS-даты ($n = X$), полученные по образцам человеческих костяков, находятся в пределах 5 991–4 870 кал. л.н.

Ключевые слова: Приольхонье, озеро Байкал, могильник, погребальная практика, поздний неолит, антропологические данные, радиоуглеродное датирование.

A.G. Novikov^{1✉}, M.S. Kishkurno², O.I. Goryunova¹,
A.V. Weber^{1, 3}

¹Irkutsk State University
Irkutsk, Russia

²Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia

³University of Alberta
Edmonton, Canada

E-mail: as122@yandex.ru

Late Neolithic Burials at the Tuakhane IX Cemetery (Lake Baikal)

The paper is dedicated to the materials from the Late Neolithic graves excavated at the Tuahane IX cemetery in 2019 and 2020 by the Russian-Canadian expedition from the Irkutsk State University. The cemetery is located on the cape of the same name on the northwestern coast of the Little Sea part of Lake Baikal. The paper presents results of comprehensive examination of seven graves. The typical characteristics of the burial practice include: surface and intra-grave structures made of stones, the extended supine position of the deceased with the head pointing northwest, the use of sheets of birch bark to cover the body, and the use of fire inside burial pits. Single interments are dominant but in one case (Grave 21) two burials of mature men were recorded. All burials were accompanied by

at least some grave goods. The burials of males associated with richer assemblages both in terms of quantity and morphological variation. Male assemblages included lithic arrowheads, leaf-shaped biface knives, and adzes as well as fishing tools (harpoon, lithic fish lure) and antler bow stiffeners. Grave 6 with female burial contained household items. All graves contained fragments of round-bottomed clay vessels decorated with dotted ornament. Poor preservation and fragmentation of human skeletons made it difficult to determine the sex and age of the six burials accurately. The female burial in Grave 6 displayed a pathological alteration of the bone structures of the maxillary sinus. Analysis of burial practices and typology of accompanying grave goods demonstrated that both present parallels to the previously examined mortuary assemblages of the Late Neolithic Serovo mortuary tradition in the Olkhon micro-region. Corrected for the freshwater reservoir effect AMS dates ($n = X$) generated of bone samples from these skeletons range from 5991 to 4870 cal. BP.

Keywords: *Olkhon micro-region, Lake Baikal, cemeteries, mortuary practices, Late Neolithic, anthropological materials, radiocarbon dating.*

В настоящее время на территории Приольхонья (западное побережье Байкала от мыса Елохин на севере до р. Большая Бугульдейка на юге, включая о. Ольхон) исследовано 9 могильников и одиночных захоронений (включающих 37 могил), сопоставимых с поздним неолитом [Новиков, Горюнова, 2020]. Выявленные особенности погребальной практики (использование при захоронении огня, разводимого непосредственно в могильной яме) и нарушение многих могил в древности (с целью ограбления или осквернения) способствовали плохой сохранности и фрагментарности археологических и антропологических материалов. В связи с этим раскопки и комплексное исследование новых информативных могильников представляет большой научный интерес. Цель предлагаемой статьи – ввести в научный оборот материалы погребений позднего неолита из могильника Туаханэ IX.

Древний некрополь находился в 180 км к СВ от г. Иркутска и в 5,2 км к СВ от с. Шара-Тогот (старое название – Черноруд), на юго-восточном склоне (Ольхонский р-н Иркутской обл.). Могильник обнаружен отрядом археологической экспедиции Иркутского государственного университета (О.И. Горюнова) в 1984 г. Раскопки проведены Российско-Канадской экспедицией ИГУ в 2019–2022 гг. (А.Г. Новиков, О.И. Горюнова). Финансирование работ – за счет Канадской стороны (грант А.В. Вебера).

Могильник хронологически разновременный. Всего вскрыто 31 погребение. Из них большая часть датируется ранним бронзовым веком (24 погребения); к неолиту относится 7 захоронений (погр. 6, 21, 22, 24А, 24В, 25, 28).

Неолитические погребения выделяются на могильном поле топографически и планиграфически. Они располагались достаточно компактной группой из 6 погребений в западном конце средней части могильного поля. Погребения находились на высоте от 10 до 17 м над современным уровнем Байкала (выше по склону от захоронений бронзового века). Одна могила (мог. 28 – ребенок до 1 года) обнаружена в юго-западном конце некрополя, на расстоянии 42 м от неолитических погребений, на высоте 19 м над уровнем Байкала.

Все вскрытые погребения находились под надмогильными сооружениями, выложенными из камней в несколько слоев. В четырех случаях кладки сплошные, овальной формы (погр. 6, 22, 24А, 25), в трех – кольцевые (погр. 21, 24В, 28). В последнем случае все

они были нарушены в древности в момент ограбления (или осквернения) могил, и, возможно, их первоначальная конструкция также была сплошной. Размеры сооружений преимущественно в пределах 3,3–4,5 × 2,8–4,3 м; в одном случае (погр. 25) – 1,6 × 1,3 м, а диаметр кольцевой кладки погр. 28 – 5 м. Ориентация надмогильных сооружений большей стороной по линии СЗ–ЮВ. Могильные ямы заполнены каменными перекрытиями. Глубина могил в основном 0,42–0,56 м; в двух случаях (погр. 6 и 21) – 0,68–0,70 м.

Практически все погребения в той или иной степени были нарушены человеком в древности. Об этом свидетельствуют нарушения целостности костяков и находки обломков человеческих костей и сопроводительного инвентаря, зафиксированных среди камней на разных уровнях внутримогильных перекрытий. Три могилы (24В, 25 и 28) разрушены полностью. Зафиксированы только небольшие фрагменты костей погребенных и единичные изделия из камня. Погребения 21, 22 и 24А потревожены частично. По отдельным костям, сохраняющим первоначальное положение и анатомический порядок, определено труположение покойных и их ориентация головой по частям света. Целое, не потревоженное погребение отмечено только в одном случае (погр. 6).

Практически все захоронения индивидуальные; одно погребение (21) – двойное, одноплоскостное. Судить о помещении покойных в могиле возможно в 5 случаях (погр. 6, 21, 22 и 24А). Все они располагались на спине, в вытянутом положении, головой на СЗ с небольшими отклонениями.

Для погребальной практики характерно покрытие покойных берестой и использование огня, разводимого непосредственно в могильной яме. От мощности костра зависела степень обугливания костей (полное или частичное). В исследованных погребениях обугливание были подвержены скелеты полностью; многие кости сторели, вся почва – золистая. В погр. 21 дно могилы покрыто пластинами обугленной бересты. В двух разрушенных могилах (мог. 24В и 25) на ряде костей отмечены следы жжения, однако кострищ в могилах не зафиксировано.

Плохая сохранность и фрагментарность скелетов затруднили определение пола и возраста погребенных. Половая принадлежность определялась (где это было возможно) по морфологии черепа и тазовых костей [Алексеев, 1966]. При определении пола взрослых

использованы категории: мужчина, возможно мужчина, возможно женщина и пол не определен. Определение пола детей по скелетным останкам практически невозможно, т.к. вторичные половые признаки развиваются только по достижении периода зрелости.

Возрастные определения погребенных основывались на оценке состояния швов эндо- и экзокрана, а также в некоторых случаях по уровню изношенности зубных коронок [Meindl, Lovejoy, 1985; Scott, 1979]. Используются возрастные категории, представленные в рубриках В.П. Алексеева и Г.Ф. Дебеца [1964, с. 39].

Небольшое количество исследуемого материала и плохая его сохранность не позволяют сделать какие-либо достоверные демографические выводы (см. таблицу). Однако даже ограниченная информация несет важные сведения относительно жизни населения позднего неолита Приольхонья.

Половозрастные определения было возможно выполнить только приблизительно для 6 индивидуумов. Из них 5 отнесены к категории «взрослые», а пол определен только в 3 случаях, причем в двух – «возможно». Для трех погребенных возраст определен как 20+.

На могильнике зафиксировано одно детское погребение (28), возраст которого до года. Вероятно, к детским захоронениям, судя по размерам могильных ям (1,1–1,0 × 0,8–0,75 м), следует отнести 2 погребения – 24В и 25. В этих могилах обнаружены мелкие неопределимые фрагменты костей человека. Возможно, они относятся к детским скелетам младшего возраста, кости которых более подвержены процессам

тафономической деградации ввиду малой плотности костной ткани и небольшого размера.

В связи с фрагментарностью антропологического материала судить о состоянии здоровья погребенных затруднительно. Наиболее яркий случай наличия патологического изменения костных структур отмечен на верхнечелюстной кости индивида из погр. 6. В его правой верхнечелюстной пазухе зафиксировано хаотичное разрастание костной ткани, заполнившее всю полость синуса. Для выяснения этиологии наблюдаемого патологического состояния необходимо проведение отдельного исследования с привлечением методов рентгенографии и компьютерной томографии.

Во всех погребениях зафиксирован сопроводительный материал, который располагался в области пояса, головы, рук и в ногах покойного. В его составе: изделия из камня и кости, керамические сосуды и фаунистические остатки. Среди каменных орудий большую группу составляют наконечники стрел (с вогнутой и прямой базой, черешковые), которые размещались компактными скоплениями, вероятно находясь в колчанах (в погр. 21 – 51 наконечник, 22 – 24 экз., 24А – 13 экз.). В этих погребениях найдены роговые накладки на лук. В мог. 21 (двойная) обнаружены остатки от 2 луков, расположенных вдоль каждого погребенного. По левую руку от одного из них зафиксированы роговые накладки, повторяющие первоначальную (изогнутую) форму лука (рис. 1). Сохранившаяся длина изделия – 1,40 м.

В числе сопроводительного инвентаря: шлифованные тесла, долота и пластинчатые ножи из кремнистого

Половозрастной состав погребенных позднего неолита могильника Туаханэ IX

№ погр.	Пол	Возраст	Комплектность	Примечания
6	Ж?	20+	Череп: фрагменты лобной, верхнечелюстной (правой), теменных, затылочной костей, обломками нижней челюсти. Посткраниальный скелет: фрагменты диафизов плечевых костей, левого предплечья и правой локтевой, кости правой кисти, второго шейного позвонка, фрагменты диафизов костей ног, пяточных и таранных костей, плюсневых костей и фаланг стоп	В правом верхнечелюстном синусе обнаружены признаки протекавшего патологического процесса
21, ск. 1	М?	25–35	Череп: фрагменты лобной, височной правой, теменных костей, верхней и нижней челюсти. Посткраниальный скелет: фрагменты правой ключицы, лопаток, диафиза правой плечевой, костей предплечья, голени, левой плечевой и коленных чашечек	На одном из грудных позвонков (принадлежность индивиду 1 или 2 не удалось определить) прижизненное разрушение верхнего правого суставного отростка
21, ск. 2	М	30–40	Череп: фрагменты лобной, затылочной, теменной, височной, нижней челюсти. Посткраниальный скелет: фрагменты правой лопатки, ребер, диафиза плечевой, эпифизов левой локтевой и правой лучевой, грудных позвонков (Т3 и Т4 ?)	
22	–	20+	Череп: фрагменты лобной, затылочной и нижней челюсти. Посткраниальный скелет: фрагменты плечевых, больших и малых берцовых и диафизов бедренных костей	–
24А	–	20+	Череп: фрагменты теменных и левой височной. Посткраниальный скелет: фрагменты второго шейного позвонка, ребер, костей предплечья, кистей и диафизов ног и фаланг стоп	–
24В	–	–	Мелкие неопределимые фрагменты костей	–
25	–	–	Мелкие неопределимые фрагменты костей	–
28	–	До года	Череп: фрагменты лобной, височной, нижней челюсти, верхние молочные резцы. Посткраниальный скелет: фрагменты первого шейного позвонка и трубчатых костей	Найден фрагмент височной кости (каменистая часть), возможно, от другого индивида

сланца, тесла из нефрита, крупные листовидные ножи-бифасы, вкладыши-бифасы, абразивы из песчаника, наконечники гарпунов, отжимники, стерженьки рыболовных крючков, остря, обоймы составных вкладышевых орудий, игольники и иглы. Практически во всех погребениях обнаружены фрагменты от круглодонных сосудов с гладкой поверхностью, украшенных построениями из пунктирных линий (рис. 2). Они отмечены во всех взрослых (как женских, так и мужских) и детских захоронениях.

Среди исследованных могил выделяется количеством и номенклатурным составом изделий (266 экз.) двойное погр. 21 (вероятно, оба – мужчины зрелого возраста). В нем представлен полный набор выявленных на могильнике орудий, среди которых выделяются 2 рыбки-приманки из мрамора, обнаруженные в берестяных чехлах (рис. 3). Изображения реалистические, передающие облик сигообразных рыб. На одной из них резными линиями показана чешуя (рис. 3, 1).

Захоронения 22 и 24А (по антропологическим определениям – взрослые, 20+) по составу сопроводительного инвентаря (наконечники стрел, роговые накладки на лук, тесла, ножи-бифасы, роговые отжимники и т.д.), на наш взгляд, можно отнести к захоронениям мужчин.

Женское погр. 6 отличается по набору сопроводительного инвентаря. В его составе изделия бытового назначения: сосуд, скребки, ножи с краевой обработкой лезвия, вкладыши-бифасы и обойма

Рис. 1. Фрагмент погр. 21 (снято с ЮВ).

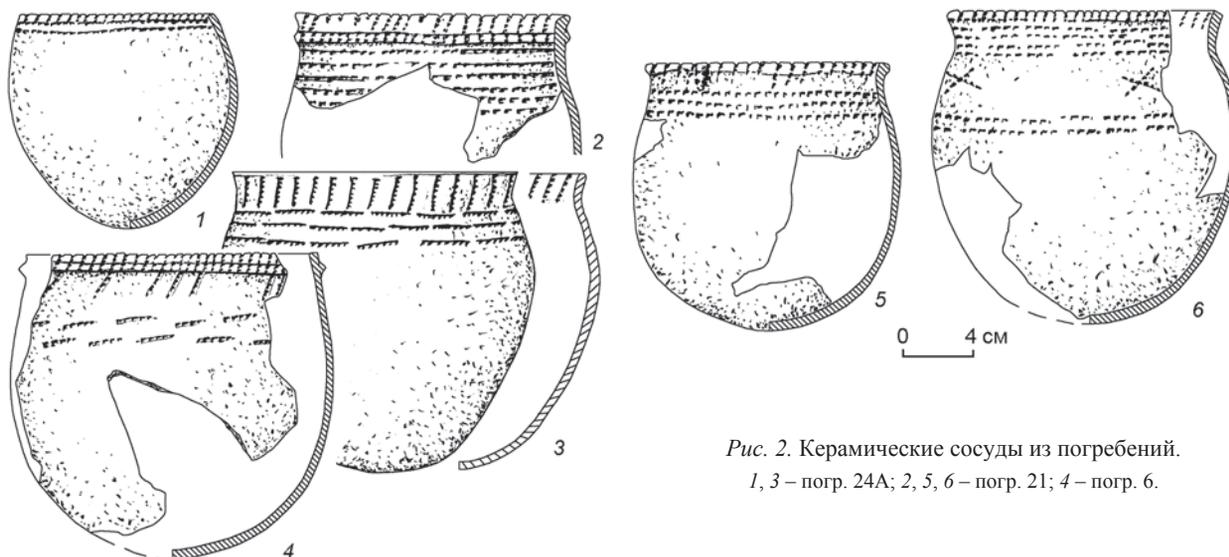

Рис. 2. Керамические сосуды из погребений. 1, 3 – погр. 24А; 2, 5, 6 – погр. 21; 4 – погр. 6.

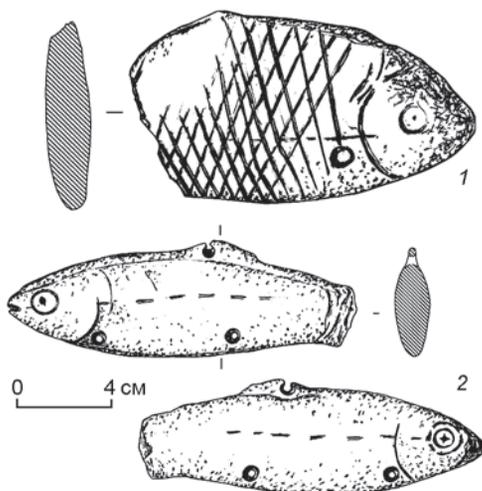

Рис. 3. Каменные рыбки из погр. 21.

составного орудия из рога. В детских погребениях изделия единичны.

Анализ погребальной практики и типологии сопроводительного инвентаря неолитических захоронений могильника Туаханэ IX показал их идентичность с ранее исследованными комплексами маломорской группы серовских погребений позднего неолита Приольхонья [Горюнова, 1997]. Близкие аналогии в инвентаре отмечены в материалах позднего неолита Верхоленского могильника и в серовских комплексах Верхнего Приангарья [Окладников, 1950]. Полученные AMS-даты по исследованным погребениям могильника Туаханэ IX (в пределах 5 991–4 870 кал. л.н.) соответствуют серии дат по комплексам погребений (5 800–4 523 кал. л.н.) и поселений позднего неолита Приольхонья и в целом Прибайкалья [Weber et al., 2016].

Благодарности

Исследования выполнены при финансовой поддержке гранта № 895-2018-1004 от Совета по Общественным наукам и гуманитарным исследованиям (Канада). Публикация подготовлена при поддержке государственного задания Минобрнауки России в рамках проекта № FZZE-2023-0007 «Динамика и вариабельность палеотехнологий в каменном веке Байкальской Сибири в контексте культурных традиций и адаптационных стратегий».

Список литературы

- Алексеев В.П.** Остеометрия. Методика антропологических исследований. – М.: Наука, 1966. – 253 с.
- Алексеев В.П., Дебец Г.Ф.** Краниометрия: Методика антропологических исследований. – М.: Наука, 1964. – 128 с.
- Горюнова О.И.** Серовские погребения Приольхонья (оз. Байкал). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – 112 с.

Новиков А.Г., Горюнова О.И. Проблемы культурно-хронологической периодизации неолитических погребений Приольхонья (озеро Байкал) // Тр. VI (XXII) Всерос. археолог. съезда в Самаре. – Самара: Изд-во Самар. гос. пед. ун-та, 2020. – Т. I. – С. 200–201.

Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – Ч. 1–2. – 412 с. – (МИА; № 18).

Meindl R.S., Lovejoy C.O. Ectocranial suture closure: A revised method for the determination of skeletal age at death based on the lateral-anterior sutures // *Amer. J. of Physical Anthropol.* – 1985. – Vol. 68. – N 1. – P. 57–66.

Scott E.C. Dental wear scoring technique // *Amer. J. of Physical Anthropol.* – 1979. – Vol. 51, N 2. – P. 214–217.

Weber A., Schulting R.J., Ramsey C.B., Bazaliiskii V.I., Goriunova O.I., Berdnikova N.E. Chronology of Middle Holocene hunter-gatherers in the Cis-Baikal region of Siberia: Corrections based on examination of the freshwater reservoir effect // *Quatern. Intern.* – 2016. – V. 419. – P. 74–98.

References

Alekseev V.P. Osteometriya. Metodika antropologicheskikh issledovaniy. Moscow: Nauka, 1966. 253 p. (In Russ.).

Alekseev V.P., Debets G.F. Kраниometriya: Metodika antropologicheskikh issledovaniy. Moscow: Nauka, 1964. 128 p. (In Russ.).

Goriunova O.I. Serovskie pogrebeniya Priol'khon'ya (oz. Байкал). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1997. 112 p. (In Russ.).

Meindl R.S., Lovejoy C.O. Ectocranial suture closure: A revised method for the determination of skeletal age at death based on the lateral-anterior sutures. *Amer. J. of Physical Anthropol.*, 1985. Vol. 68, No. 1. P. 57–66.

Novikov A.G., Goriunova O.I. Problemy kul'turno-khronologicheskoi periodizatsii neoliticheskikh pogrebenii Priol'khon'ya (ozero Байкал). In *Trudy VI (XXII) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s'ezda v Samare*. Samara: Samara State Pedagog. Univ. Press, 2020. Vol. I. P. 200–201. (In Russ.).

Okladnikov A.P. Neolit i bronzovyi vek Pribaikal'ya. Moscow; Leningrad: AS USSR Publ., 1950. Pt. 1–2. 412 p. (MIA; No. 18). (In Russ.).

Scott E.C. Dental wear scoring technique. *Amer. J. of Physical Anthropol.*, 1979. Vol. 51, No. 2. P. 214–217.

Weber A., Schulting R.J., Ramsey C.B., Bazaliiskii V.I., Goriunova O.I., Berdnikova N.E. Chronology of Middle Holocene hunter-gatherers in the Cis-Baikal region of Siberia: Corrections based on examination of the freshwater reservoir effect. *Quatern. Intern.*, 2016. Vol. 419. P. 74–98.

- Новиков А.Г. <https://orcid.org/0000-0001-8965-8957>
- Кишкурно М.С. <https://orcid.org/0000-0002-0309-7413>
- Горюнова О.И. <https://orcid.org/0000-0002-5159-0894>
- Вебер А.В. <https://orcid.org/0000-0003-3992-2160>

Дата сдачи рукописи: 30.08.2024 г.